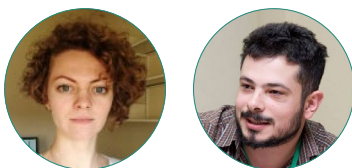

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1632

А. Л. Рочева, Е. А. Варшавер

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ МОЛОДЕЖИ С МИГРАЦИОННЫМ БЭКГРАУНДОМ И БЕЗ: РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ

Правильная ссылка на статью:

Рочева А. Л., Варшавер Е. А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295—334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>.

For citation:

Rocheva A. L., Varshaver E. A. (2020) Migration Intentions of Youth with and without Migrant Backgrounds: a Russian Case. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 295—334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>.

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ МОЛОДЕЖИ С МИГРАЦИОННЫМ БЭКГРАУНДОМ И БЕЗ: РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ

РОЧЕВА Анна Леонидовна — кандидат социологических наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Аннотация. Стабильная благоприятная демографическая ситуация предполагает, что привлеченные в страну мигранты хотят остаться, а местное население не намеревается уезжать. В статье предпринимается попытка оценить, насколько разные сегменты самой миграционно подвижной группы — молодежи — склонны рассматривать Россию как страну для будущей жизни. В фокусе внимания следующие группы молодежи 18—30 лет, проживающие в России: (1) работающие мигранты, (2) иностранные студенты, (3) мигранты второго и полуторного поколения из Средней Азии, а также (4) местная молодежь. На основа-

MIGRATION INTENTIONS OF YOUTH WITH AND WITHOUT MIGRANT BACKGROUNDS: A RUSSIAN CASE

Anna L. ROCHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies

E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research, Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. Favorable demographic situation implies that the newly arrived migrants are willing to stay and the local population does not intend to leave the area. The article attempts to assess the perception of Russia as a place of living by different groups of mobile youth. The article is focused on the following groups of people aged 18-30: (1) working migrants, (2) foreign students, (3) the second and one-and-a-half generation migrants from the Central Asia, and (4) local youth. Based on a survey ($N = 1143$) conducted using targeting technique on V Kontakte social network in 2020, the authors examine, firstly, the migration moods of different groups of young people in a five-

нии опроса ($N = 1143$), проведенного в 2020 г. с помощью таргетинга в социальной сети «ВКонтакте», авторы рассматривают, во-первых, миграционные намерения разных групп молодежи в пятилетней перспективе, во-вторых, факторы, связанные с планами жить через пять лет в России или в другой стране, в-третьих, условия, при которых не собирающиеся через пять лет жить в России готовы изменить планы.

Жить в России через пять лет планируют около половины иностранных студентов, работающих мигрантов и местной молодежи, а также две трети мигрантов второго и полторного поколения. Результаты исследования подтверждают предположения, что «объективные» экономические показатели благосостояния, такие как размер заработной платы, менее значимы для миграционных планов работающей молодежи, чем показатели «субъективные», такие как удовлетворенность доходом, экономическим положением или работой в целом. Фактор, «выталкивающий» из России молодежь независимо от ее рода занятий и миграционного бэкграунда, — ощущение правовой незащищенности. Кроме того, для каждой группы весомы свои факторы. Для иностранных студентов это привязанность к родной стране и уверенность в трудоустройстве в России, для студентов из числа местной молодежи и мигрантов второго и полторного поколения — наличие связей с людьми, живущими в России или других странах, для работающих мигрантов — привязанность к родной стране, а для работающих респондентов из числа местной молодежи и мигрантов второго и полторного поколения — мнение, что в другой стране они были бы более состоятельными.

year perspective, secondly, the factors related to the plans to live in Russia or another country in five years, thirdly, the conditions under which those not planning to live in Russia in five years would change their plans.

About half of foreign students, working migrants and local youth as well as two-thirds of migrants of the second and one-and-a-half generation are going to live in Russia. The results of the study prove the assumption that objective economic well-being indicators, f.e. salary size, are less likely to be an important factor behind migration plans of young people than the subjective indicators, such as satisfaction with income, economic situation or job in general. A sense of legal insecurity is the factor that pushes young people out of Russia regardless of their occupation or migration background. Besides that, crucial factors can be different depending on the group. Foreign students may pay attention to their attachment to the home country and confidence that they will be hired in Russia. Connections with people living in Russia or other countries are important for local youth and the second and one-and-a-half generation migrants. The working migrants stress their attachment to their home country, whereas the working respondents among locals or the second and one-and-a-half generation migrants believe that they may have a higher income in another country.

Ключевые слова: миграционные намерения, миграционные планы, молодежь, мигранты, иностранные студенты, мигранты второго поколения, Средняя Азия, Россия

Keywords: migration plans, migration intentions, youth, migrants, foreign students, second generation migrants, Central Asia, Russia

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00019).

Acknowledgments. The study is funded by the Russian Science Foundation (project No. 18-78-00019).

Введение

Привлечение мигрантов — это один из способов улучшения демографической ситуации в России, что зафиксировано в Концепции миграционной политики¹ и Концепции демографической политики². Стабильная благоприятная демографическая ситуация среди прочего предполагает, что привлеченные мигранты хотят остаться в стране, а местное население не намеревается из страны уезжать. Оценить, в какой степени возможен миграционный отток уже живущих в России мигрантов и их детей, а также местного населения — задача, решение которой необходимо для совершенствования демографической и социальной политики. Проведение такой оценки возможно с помощью изучения миграционных планов и намерений — прежде всего молодежи как наиболее миграционно подвижной группы [Efendic, 2016]. Несмотря на неоднозначность соотношения между намерениями и реальным поведением в целом, результаты отдельных работ демонстрируют наличие такой связи разной силы применительно к миграции [de Jong et al., 1985; van Dalen, Henkens, 2013], а миграционные намерения молодежи могут служить предиктором популяционной динамики на уровне когорты и сообщества [Vjarnason, 2014]. В свете этого в данной статье предпринимается попытка изучить и сопоставить миграционные намерения разнообразных групп молодежи, которые сейчас проживают на территории России. Мы принимаем во внимание весь диапазон их возможного миграционного опыта: от местной молодежи до трудовых мигрантов и от иностранных студентов до мигрантов второго и полуторного поколения. В качестве основного региона происхождения молодежи с миграционным бэкграундом выступает Средняя Азия. Мы предполагаем, что миграционный опыт, наряду с другими индивидуальными характеристиками, будет связан с разным «запросом» к стране проживания и, соответственно, с разными миграционными намерениями. Наша цель, таким образом, состоит в том, чтобы выделить миграционные намерения всех указанных групп молодежи (18—30 лет) и связанные с ними факторы, а также предложить меры политики, которые могут быть направлены на то, чтобы разные группы молодежи хотели оставаться в России.

¹ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы» // Президент России. 2018. 31 октября. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/589886> (дата обращения: 22.06.2020).

² Указ Президента Российской Федерации № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России. 2007. 9 октября. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 22.06.2020).

Исследование основано на данных онлайн-опроса, проведенного в феврале — марте 2020 г. с помощью таргетинга в социальной сети «ВКонтакте».

Обзор литературы

Миграционные намерения — тема, которая привлекает внимание исследователей на протяжении многих лет, и в последние годы интерес к ней связан с попытками оценивать миграционный потенциал и предсказывать тем самым миграционные потоки [Tjaden, Auer, Laczko, 2019; King, Gêdeshi, 2019]. Насколько эти попытки продуктивны? Значительная часть исследований скорее подтверждает наличие связи той или иной силы между миграционными планами и фактическим миграционным поведением — как на микро-, так и на макроуровне. Исследование голландского населения показало, что в течение двух лет переехали 24% из числа тех, кто высказал такое желание [van Dalen, Henkens, 2008], а в течение пяти лет — 34% [van Dalen, Henkens, 2013]. Более того, было обнаружено, что факторы, связанные с желанием переехать и с фактическим переездом, идентичны [van Dalen, Henkens, 2008]. В то же время сила связи между миграционными намерениями и фактической миграцией варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик [Lu, 1999]. Например, свои миграционные намерения чаще реализуют мужчины [Chort, 2014], а также лица с высшим образованием [Docquier, Peri, Ruysen, 2014]. Эта связь, кроме того, опосредуется особенностями миграционного режима, в силу чего, например, миграционные намерения жителей стран Африки реализуются в среднем хуже, чем жителей других стран мира [Tjaden, Auer, Laczko, 2019]. Кроме того, связь между миграционными намерениями и миграционными потоками продемонстрирована и на макроуровне: существующие работы даже предлагают формулу, согласно которой число фактических мигрантов в семь раз меньше числа людей, выражающих желание мигрировать, и в три раза меньше числа людей, которые начали подготовку к миграции [Laczko, Tjaden, Auer, 2017: 14]. Миграционные планы молодежи, как показывают исследования, можно использовать в качестве предиктора популяционной динамики как соответствующей возрастной когорты, так и сообщества в целом [Bjarnason, 2014].

Предметом изучения в первую очередь выступают миграционные планы молодежи, поскольку именно молодые люди чаще всего становятся мигрантами [Efendic, 2016]. Если же в фокусе внимания оказываются пожилые люди, то в значительном числе работ речь идет о мигрантах и их планах на «возвращение» [Bolzman, Fibbi, Vial, 2006; Ваукара-Крумме, 2013]. Кроме того, в свете дискуссии об «утечке мозгов» активно исследуются миграционные намерения квалифицированных специалистов [Chikanda, 2006; Khoo, Hugo, McDonald, 2011; Güngör, Tansel, 2014] или студентов выпускных курсов высших учебных заведений [Imran et al., 2011; Dako-Gyeke, 2016]. Как правило, предметом изучения становятся либо местные жители, либо мигранты. В редких случаях проводится сопоставление мигрантов и немигрантов, но такие работы часто ограничиваются одной социально-профессиональной группой (см., например, [Вашко, 2016]) или одним регионом [Yang, 2000; Воронина, 2011], либо же сопоставление производится между разными группами мигрантов [Caron, 2019] (но см. редкие исключения [King, Williams, 2018]).

Существующие работы демонстрируют наличие связи миграционных намерений со множеством факторов, которые в целом можно свести к нескольким группам. Во-первых, важны экономические соображения, такие как разрывы в доходах и экономическом развитии регионов или стран [Massey et al., 1993], а также позиции домохозяйства в местном сообществе [Loschmann, Siegel, 2014]. Тем не менее влияние экономических показателей на миграционные намерения опосредуется другими факторами, например уровнем удовлетворенности жизнью [Otrachshenko, Popova, 2014], а в ряде случаев уступает воздействию других факторов, таких как индивидуальные характеристики [Hadler, 2006; Pumares et al., 2018]. Исследования показывают, что изменение экономических условий — таких как реализация экономических программ с созданием рабочих мест в сельской местности Исландии и Шотландии, — не всегда приводит к изменению миграционных настроений молодежи [Seyfrit, Hamilton, 1992; Seyfrit, Bjarnason, Olafsson, 2010]. Во-вторых, для миграционных намерений важны «культура миграции» и «миграционный капитал» семьи или, шире, сообщества, а также социальные связи. Культура миграции предполагает наличие позитивных установок в отношении миграции и, более того, взгляд на нее как на необходимый жизненный этап [Kandel, Massey, 2002]. В свою очередь, миграционный капитал семьи означает, что семья или отдельные ее члены имеют миграционный опыт, который оценивается ими позитивно, что снижает неэкономические миграционные издержки для остальных членов семьи, а также предполагает возможные связи членов семьи с мигрантами и опыт поездок в другие страны в детстве [Ivlevs, King, 2012]. При этом культура миграции и миграционный капитал по-разному связаны с миграционными намерениями для мужчин и женщин [Heering, van der Erf, van Wissen, 2004]. И культура миграции, и миграционный капитал семьи предполагают наличие связей с мигрантами — а значимость социальных сетей для миграционных намерений продемонстрирована во многих работах [Haug, 2008; de Haas, Fokkema, 2011; Khatir, Rezaei-Moghaddam, 2014; Kaplan, Grünwald, Hirte, 2016; Manchin, Orazbayev, 2018]. В-четвертых, имеют значение индивидуальные социально-демографические и психологические характеристики, такие как род занятий (студенты выражают миграционные намерения чаще остальных) [van Mol, 2016], возраст и жизненный этап [Waldorf, 1995], миграционное поколение [Caron, 2019], пол [de Jong, Richter, Isarabhakdi, 1996], религиозность [Stinner, van Loon, Byun, 1992; García, 2006; Hoffman, Marsiglia, Ayers, 2015], склонность к рисковому поведению и «поиску приключений» [Williams, Baláz, 2012; Berlinschi, Harutyunyan, 2019]. В-пятых, имеет значение чувство принадлежности — ощущение себя «своим» в том или ином сообществе, а также воспринимаемая дискриминация [Caron, 2019]: статус этнического меньшинства связан с более сильными намерениями уехать в другую страну в случае немигрантов [Ivlevs, King, 2012] и с меньшим желанием возвращаться в случае мигрантов [Anniste, Tammaru, 2014]. В-шестых, для миграционных намерений важны социально-политические установки и ценности, а также оценка окружающей социальной среды исходя из них [Ploeanu et al., 2018; Crisan, Crisan-Mitra, Dragos, 2019].

В российском контексте предметом серьезного внимания исследователей стали миграционные намерения подростков и молодежи [Флоринская, Рощина,

2005; Абанкина, Красилова, Ястребов, 2012; Варшавская, Чудиновских, 2014; Карачурина, Флоринская, 2019; Шагалкина и др., 2019], отдельные работы посвящены миграционным намерениям [Варшавер, Рочева, 2015] и жизненным планам [Пешкова, 2017] мигрантов, в том числе разным группам молодежи с миграционным бэкграундом [Rocheva, Varshaver, Ivanova, 2019]. Существуют и исследования учащейся в других странах российской молодежи на предмет их желания продолжить обучение в России [Рязанцев, Письменная, 2017]. Исследований, в которых бы одновременно освещались вопросы о миграционных планах и намерениях молодых мигрантов и немигрантов с учетом рода их занятий (иностранные студенты и работающие мигранты), нам обнаружить не удалось.

Дизайн исследования

Статья написана на основе анализа данных онлайн-опроса, проведенного в феврале — марте 2020 г. на платформе SurveyMonkey с помощью таргетинга в социальной сети «ВКонтакте». Такой метод опроса предполагает создание рекламных объявлений со ссылкой на анкету, размещенную онлайн, и демонстрацию этих объявлений в социальной сети аудитории, которая была выбрана или сконструирована исследователями в рекламном кабинете этой сети. Такой метод получил активное развитие в последние годы и, несмотря на имеющиеся ограничения, уже зарекомендовал себя в исследованиях труднодостижимых групп (к которым, среди прочих, относят мигрантов [Pöttschke, Braun, 2017]) и молодежи в целом [Chu, Snider, 2013; Park, Calamaro, 2013]. В отличие от других стран, где наиболее популярной социальной сетью является Facebook, в России лидирует «ВКонтакте»³, который в странах Средней Азии занимает если не первое, то второе место⁴. Выборка была квотная, и наша задача состояла в том, чтобы собрать по возможности равное число анкет сопоставимыми методами.

Для иностранных студентов мы тестировали три способа таргетинга, из которых два опирались на отбор вузов, а третий предполагал таргетинг участников этнически маркированных групп в социальной сети. В рамках двух первых способов с помощью генератора случайных чисел в каждом федеральном округе выбирались вузы из числа 25% вузов с наибольшим числом иностранных студентов, всего таким образом были отобраны 107 вузов. Населенные пункты, в которых находились эти вузы, стали основными точками для всего опроса. Число населенных пунктов — 50 в 42 регионах (список населенных пунктов представлен в Приложении 1). Рекламные объявления транслировались тем пользователям подходящего возраста, которые либо находились по адресам этих вузов (гиперлокальный таргетинг), либо в своем профиле указали, что учатся в одном из них. Эти два способа, тем не менее, показали низкую эффективность, поэтому в качестве основного был выбран третий способ таргетинга: реклама транслировалась тем пользователям 18—30 лет в указанных населенных пунктах, которые являются подписчиками этнически маркированных групп.

³ Kemp S. Digital 2020: The Russian Federation. *Datareportal*. 2020. February 18. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-russian-federation> (последний доступ: 20.06.2020).

⁴ Токтаркызы А. Какие социальные сети популярны в Центральной Азии? // The Open Asia. 2020. 17 февраля. URL: <https://theopenasia.net/ru/post/kakie-sotsseti-populyarny-v-tsentrainoy-azii> (последний доступ: 20.06.2020).

Аналогичным образом с помощью таргетинга пользователей 18—30 лет в указанных населенных пунктах, подписанных на этнически маркированные группы, рекрутировались и другие участники опроса — работающие мигранты и мигранты второго поколения. Отличия состояли в характере рекламных объявлений. Для мигрантов второго поколения мы использовали русскоязычные тексты, тогда как для работающих мигрантов и для иностранных студентов на картинках были размещены тексты на киргизском, узбекском, таджикском языках.

Список этнически маркированных групп был составлен с помощью поиска по ключевым словам (например, поиск по ключевому слову «узбек*» позволяет увидеть все группы, в названии которых есть слова Узбекистан, узбекский и т. д.), а также с помощью отбора групп, наиболее популярных в соответствующих странах. Таким образом были составлены списки узбекских, таджикских, киргизских групп, в каждом из которых около 150 групп.

Для таргетинга местной молодежи мы использовали только критерии возраста и нахождения в нужных нам населенных пунктах, а рекламные объявления были на русском языке.

Во всех рекламных объявлениях пользователю в разных формах предлагался вопрос о том, останется он в России или уедет (см. рис. 1, 2).

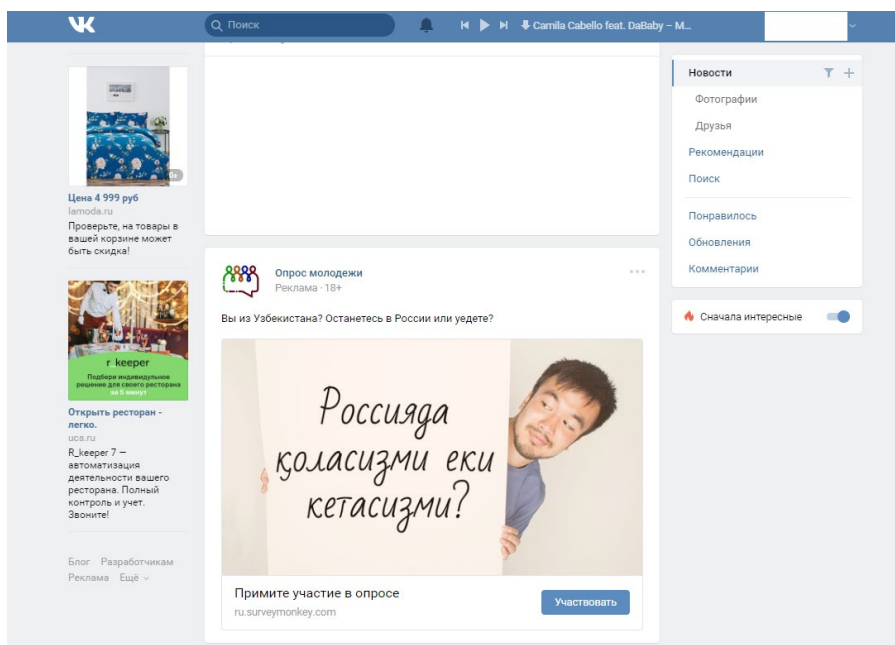
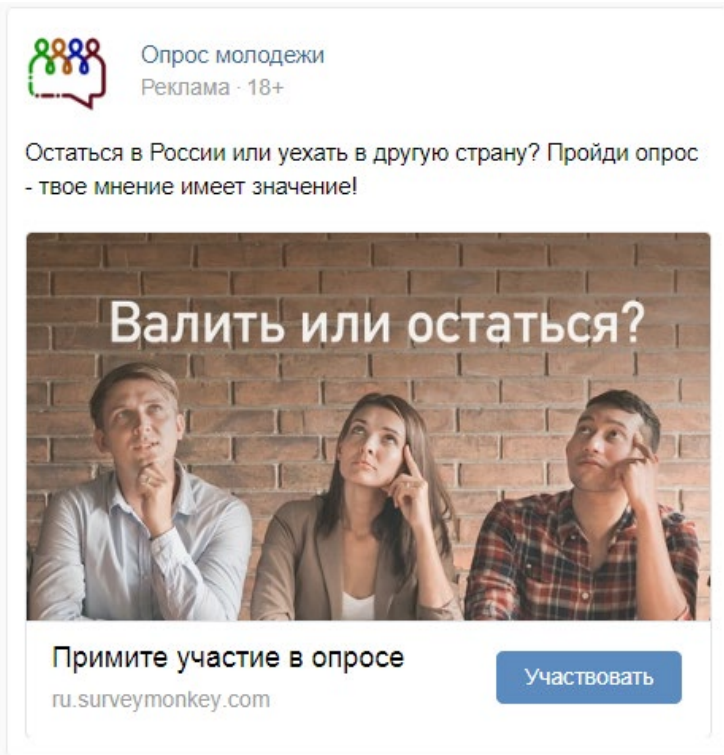

Рис. 1. Пример рекламного объявления, которое транслировалось участникам этнически маркированных узбекских групп

Опрос молодежи
Реклама - 18+

Остаться в России или уехать в другую страну? Пройди опрос - твоё мнение имеет значение!

Валить или остаться?

Примите участие в опросе
ru.surveymonkey.com

Участвовать

Рис. 2. Пример рекламного объявления, которое транслировалось местной молодежи

Опрос начали проходить 7035 человек. После чистки и кодировки массив сократился до 2822 человек, тем не менее он довольно разнообразный и включает в себя молодежь разного происхождения и с разными занятиями, набранной разными способами таргетинга. Для обеспечения максимальной сопоставимости в анализ для настоящей статьи были включены только те респонденты с миграционным бэкграундом, которые отбирались с помощью таргетинга через этнически маркированные группы, а также респонденты без миграционного бэкграунда, которые «пришли» в опрос через рекламную кампанию «для местной молодежи». Кроме того, группа лиц с миграционным бэкграундом была сужена до тех, кто относит себя к узбекской, таджикской и киргизской этническим категориям. Все это снизило число наблюдений в целом и в каждой подгруппе в частности, однако позволило повысить сопоставимость. Таким образом, в массиве было выделено четыре группы:

1) иностранные студенты, то есть респонденты, окончившие школу не в России, проходящие обучение в российском вузе и указавшие, что относят себя к таджикской, киргизской или узбекской этнической категории⁵ ($N = 222$);

⁵ Этническая категория сильно связана со страной окончания школы: 98% респондентов из числа иностранных студентов и работающих мигрантов, назвавшие себя киргизами, окончили школу в Киргизии, 93% — показатель для таджикской этнической категории и Таджикистана, 94% — для «узбеков» и Узбекистана (хи-квадрат = 1099,6; $p < 0,001$).

2) работающие мигранты — респонденты, которые отнесли себя к таджикской, киргизской или узбекской этническим категориям, работают и не проходят обучение в учреждении среднего специального/профессионального или высшего образования ($N = 431$);

3) мигранты второго и полуторного поколения (далее для краткости — мигранты второго поколения или МВП), то есть респонденты, окончившие школу в России, хотя бы один родитель которых родился в Средней Азии и которые проходят обучение в российских вузах или работают, но не учатся в учреждении среднего специального/профессионального образования ($N = 148$);

4) местная молодежь — респонденты, окончившие школу в России, оба родителя которых родились в России (или один родился в России, а про второго нет информации) и которые проходят обучение в российском вузе или работают, но не учатся в учреждении среднего специального/профессионального образования ($N = 342$). Респонденты, отнесенные к этой группе, могут различаться по этническим категориям и наличию или отсутствию опыта внутренней миграции.

Общее число респондентов в массиве, использованном для анализа, составило 1143 человек.

Центральная для этой статьи переменная описывает миграционные планы респондентов в пятилетней перспективе. Эта переменная конструируется на основании вопросов о том, где, по мнению респондентов, они будут жить через пять лет. Если респондент говорил, что будет жить не в России, его просили указать, в какой именно стране он будет жить. Для мигрантов первого поколения, то есть иностранных студентов и работающих мигрантов, а также мигрантов второго поколения, эта переменная была перекодирована так, что она принимает одно из трех значений: Россия, страна в Средней Азии, другая страна. Соответственно, их миграционные планы могут включать в себя дальнейшее проживание в России, возвращение в страну, где родились они или их родители, или миграцию в третью страну. Для местной молодежи эта переменная принимает одно из двух значений: Россия или другая страна, то есть они либо собираются оставаться в России, либо планируют отъезд в другую страну. Респонденты, затруднившиеся при ответе на этот вопрос, исключены из анализа.

Основные независимые переменные — это социально-демографические характеристики респондента; место рождения, национальность и уровень образования родителей; блок вопросов о работе для работающих и об учебе для учащихся; миграционный опыт, включая вопросы о гражданстве и документах; блок переменных с оценкой российской среды (ощущение правовой защищенности, ощущение востребованности в России, оценка лифтов вертикальной мобильности в России); ощущение принадлежности (belonging) в России и в родной стране (для мигрантов); блок установочных переменных (установки на этническую эксклюзивность, индивидуализм, стремление к новизне, конформизм, склонность к рисковому поведению, вера в собственные силы, радикализм); миграционная культура (установки в отношении мигрантов, рассказы о миграции из детства); социальные сети (характеристики трех человек, с кем респондент общается больше всего; наличие связей с теми, кто живет в России/не в России). Описательная статистика групп представлена в Приложении 2.

Анкета была переведена на узбекский и английский языки (первый — для работающих мигрантов и иностранных студентов, второй — для иностранных студентов), однако выяснилось, что востребованность этих версий анкеты низкая, в свете чего было решено на остальные языки анкету не переводить. Возможно, своеобразным «языковым фильтром» служит социальная сеть, и у респондентов, пришедших в опрос через нее, изначально достаточный уровень владения русским языком. Зафиксируем это как одно из ограничений нашего исследования.

Помимо языковой составляющей, к ограничениям исследования можно отнести сравнительно небольшое число наблюдений и время проведения опроса (февраль — март), что снижает вероятность получить достаточное количество анкет сезонных мигрантов. Тем не менее в свете общей задачи данного исследования, которая состоит в том, чтобы выделить различия между группами молодежи в части их миграционных намерений и связанных с ними факторов, а также сопоставить «запрос» к российской среде от тех, кто в России оставаться не планирует, — а значит, попытаться понять, какова может быть политика, направленная на привлечение или удержание разных групп молодежи в России, — эти ограничения представляются важными, но допускающими проводимый нами анализ.

Результаты исследования представлены в трех частях. В первой части мы описываем миграционные планы и намерения четырех групп молодежи — иностранных студентов, работающих мигрантов, мигрантов второго и полуторного поколения и местной молодежи, а также оцениваем их склонность выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации. Во второй части мы с помощью регрессионного анализа изучаем связь между миграционными намерениями разных групп молодежи и факторами, описанными нами выше в списке независимых переменных. Небольшое число наблюдений в отдельных подвыборках, чувствительность к этому обстоятельству применяемых методов (в частности, мультиномиальной регрессии) и необходимость использования переменных, описывающих либо учебу, либо работу, вынудили нас задействовать другой набор групп: (1) иностранные студенты, (2) работающие мигранты, (3) студенты из числа местной молодежи и мигрантов второго поколения, (4) работающие МВП и местная молодежь. В третьей части мы анализируем условия, при которых молодежь, заявившая о желании жить не в России, готова в России остаться, то есть запрос разных групп молодежи, планирующих отъезд из России, к российской среде.

Миграционные намерения молодежи

Вопреки ожиданиям, наиболее ориентированной на Россию в пятилетней перспективе оказалась не местная молодежь, а молодежь с миграционным бэкграундом — в первую очередь мигранты второго поколения. Среди них две трети считают, что через пять лет будут жить в России, тогда как среди иностранных студентов и местной молодежи такие же планы строят менее половины респондентов. Среди работающих мигрантов этого мнения придерживаются чуть более половины опрошенных. И иностранные студенты, и работающие мигранты в четверти случаев собираются вернуться домой, но первые чаще вторых рассматривают возможность через пять лет оказаться в другой стране — не на родине и не в России (см. рис. 3). Среди этих других стран упоминаются США, Канада, ОАЭ, европейские страны и т. д.

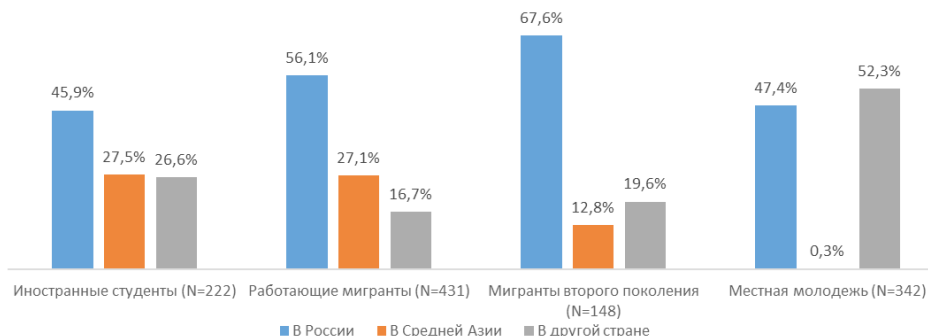

Рис. 3. Миграционные планы четырех групп молодежи (N = 1143; хи-квадрат = 196,528; p < 0,001)

Помимо индивидуальных миграционных намерений, мы также можем оценить склонность разных групп выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации. Каждому респонденту предлагалась виньетка: некоторый молодой человек в обстоятельствах, приближенных к обстоятельствам респондента, размышляет, стоит ли ему ехать в другую страну / оставаться в другой стране, если он уже там находится, или же лучше оставаться в родной стране / возвращаться в родную страну (точные формулировки см. в табл. 1).

Таблица 1. Формулировки виньеток для разных групп молодежи

Местная молодежь и МВП	Иностранцы студенты	Работающие мигранты
Представьте себе ситуацию. Молодой человек заканчивает учебу и думает, что делать дальше. Он может устроиться на работу со скромной зарплатой в своем населенном пункте или поехать работать в другую, экономически более развитую страну и получать там в два раза больше. Стоит ли ему ехать? <i>Стоит ехать</i> <i>Не стоит ехать</i>	Представьте себе ситуацию. Молодой человек заканчивает учебу в другой, экономически более развитой стране и думает, возвращаться ли домой. У него два варианта: вернуться домой, где его ждет семья и где он сможет получать скромную зарплату, или остаться в другой стране, где родных нет, но где он может получить в два раза больше. Что ему стоит сделать? <i>Остаться</i> <i>Вернуться домой</i>	Представьте себе ситуацию. Молодой человек уехал работать в другую, экономически более развитую страну и сейчас думает, остаться или вернуться домой. Дома его ждет семья, но, вернувшись, он будет получать в два раза меньше. Стоит ли ему вернуться или остаться в другой стране? <i>Вернуться</i> <i>Остаться</i>

Если респондент выбирал миграционную стратегию, ситуация дополнялась условием: его родители — пожилые люди, а он — единственный ребенок в семье, и предлагались те же два варианта. Таким образом, во всей виньетке, разбитой на два вопроса, респондент мог выбрать один из трех вариантов: (1) отказ от миграционной стратегии до введения дополнительного условия, (2) отказ от миграционной стратегии при введении дополнительного условия, (3) выбор миграционной стратегии даже при введении дополнительного условия. Сравнение четырех групп

показывает, что чаще всего миграционную стратегию склонна выбирать местная молодежь, то есть те, у кого нет личного или семейного миграционного опыта, а реже всего — работающие мигранты (см. рис. 4). Кроме того, местная молодежь отличается от остальных групп в плане значимости дополнительного условия: она реже отказывается от миграционной стратегии, если родители пожилые, а герой предлагаемой ситуации — единственный ребенок в семье. Напротив, остальные три группы довольно схожи в высокой значимости чувства долга перед родителями. Эти же три группы чаще, чем местная молодежь, соглашались с высказыванием «Следовать за собственной мечтой важнее, чем выполнять долг перед семьей и родственниками»: полное или частичное согласие с этим высказыванием выразили 36% иностранных студентов, 37% работающих мигрантов, 45% мигрантов второго поколения и 63% местной молодежи (хи-квадрат равен 87,371; $p < 0,001$). Согласие с этим высказыванием положительно коррелирует со склонностью выбирать миграционную стратегию ($r = 0,267$; $p < 0,001$).

Рис 4. Склонность выбирать миграционную стратегию среди четырех групп молодежи ($N = 1085$; хи-квадрат = 285,433; $p < 0,001$)

Насколько связаны личные миграционные планы и склонность выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации? Для ответа на этот вопрос мы перекодируем личные миграционные планы в бинарную переменную, где 0 — отсутствие миграционных планов (иностранные студенты и работающие мигранты собираются вернуться домой, а МВП и местная молодежь — остаться в России), а 1 — наличие таких планов (иностранные студенты и работающие мигранты собираются остаться в России или уезжать в другую страну, а МВП и местная молодежь — уезжать в другую страну, включая Среднюю Азию для МВП). Склонность выбирать миграционную стратегию закодируем как интервальную переменную, где 1 — низкая склонность (отказ от миграционной стратегии на первом шаге), 2 — средняя склонность (отказ от миграционной стратегии только на втором шаге),

а 3 — высокая склонность (выбор миграционной стратегии на первом и втором шаге). Связь между закодированными таким образом личными миграционными планами и склонностью выбирать миграционную стратегию статистически значимая, но слабая ($r=0,125$; $p < 0,001$).

Чтобы разобраться с тем, что означает эта слабая связь для наших четырех групп, проведем сравнение: соберем в одну таблицу показатели, характеризующие наличие миграционных планов и склонность выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации (см. табл. 2). В первом столбце указаны те, кто продемонстрировал наличие миграционных планов: для иностранных студентов и работающих мигрантов это означает, что они собираются оставаться в России или уезжать в другую страну, а для МВП и местной молодежи — что они планируют уехать из России в другую страну (в том числе в Среднюю Азию для МВП). В двух других столбцах указаны те, кто выбирал миграционную стратегию в гипотетической ситуации — сначала общая доля тех, кто выбрал эту миграционную стратегию, а затем — доля только тех, кто сохранил этот выбор после введения дополнительного условия.

Таблица 2. Сравнение личных миграционных намерений и склонности выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации, %

	Наличие миграционных намерений в пятилетней перспективе	Выбор миграционной стратегии в виньетке	
		Всего	В том числе при введении дополнительного условия
Иностранные студенты	73	71	27
Работающие мигранты	73	60	17
МВП	32	86	43
Местная молодежь	52	92	73

Сопоставление показывает следующее. Местная молодежь и МВП в гипотетической ситуации выбирают миграционную стратегию чаще, чем демонстрируют в личных планах. Можно предположить, что помимо миграционного потенциала, который измеряется личными миграционными намерениями, существует миграционный потенциал «более глубокого залегания», который может актуализироваться при возникновении благоприятных условий. К таким условиям можно отнести, например, расширение миграционных возможностей — упрощение и удешевление процедур получения виз в другие страны, развитие программ по рекрутингу молодых людей для работы или учебы за рубежом, — а также появление социальных связей молодых людей с теми, кто временно или постоянно живет в других

странах (только 27 % опрошенных из числа местной молодежи согласились с высказыванием «У меня много родственников или близких друзей, которые живут не в России»; среди МВП этот показатель составляет 76 %, но, скорее всего, он относится к родным для их родителей странам). Напротив, работающие мигранты чаще сами планируют следовать миграционной стратегии в пятилетней перспективе, чем советуют это сделать герою виньетки. Иностранцы студенты — это группа, в которой расхождение между собственными планами и гипотетической ситуацией минимально.

Таким образом, миграционная стратегия кажется привлекательной в первую очередь тем, кто миграционного опыта не имеет, а обладающие им не спешат советовать миграционную стратегию. Работающие мигранты имеют, судя по всему, наименее благоприятный опыт миграции в целом, но при этом миграция — это «затягивающее» предприятие, что затрудняет «выход» из нее. Этот положительный миграционный потенциал среди, прежде всего, местной молодежи и отрицательный — среди работающих мигрантов — находит свое отражение в оценке мигрантов. Респондентам предлагалось выразить свое отношение к двум высказываниям: «Люди, которые уезжают в другую страну, более смелые и амбициозные» и «Люди, которые уезжают в другую страну, — лентяи, которые не смогли себя реализовать в своей стране». Статистически значимые различия наблюдаются в распределениях по второму высказыванию. Местная молодежь соглашается с этим высказыванием в 7 % случаев, а работающие мигранты — в 21 %; мигранты второго поколения и иностранные студенты занимают промежуточное положение с 13 % и 17 % соответственно (хи-квадрат по всем четырем группам равен 32,4 при $p < 0,001$).

Таким образом, на жизнь в России в пятилетней перспективе ориентированы меньше половины иностранных студентов и местной молодежи, немногим больше половины работающих мигрантов и почти две трети мигрантов второго поколения. При этом связь между личными миграционными планами и склонностью в гипотетической ситуации выбрать миграционную стратегию статистически значимая, но слабая. Местная молодежь и МВП выбирают миграционную стратегию чаще в виньетке, чем в собственных планах, а работающие мигранты — наоборот. Зафиксировав эти расхождения, в следующей части попробуем ответить на вопрос о том, каковы же факторы, связанные с теми или иными миграционными намерениями в разных группах молодежи.

Факторы, связанные с миграционными намерениями

В этой части мы попытаемся разобраться, с какими факторами связаны те или иные миграционные планы молодежи с разным миграционным бэкграундом. Для этого мы будем проводить попарное сравнение: работающих мигрантов будем сравнивать с работающей молодежью из числа местных и мигрантов второго поколения, а иностранных студентов — со студентами из числа местных и мигрантов второго поколения. В силу того, что число мигрантов второго поколения, если разделить их на учащихся и работающих, становится слишком мало, мы объединяем их с местной молодежью — соответственно с учащимися и работающими. Для учащихся и работающих из числа МВП и местной молодежи

воспользуемся бинарной логистической регрессией, и зависимая переменная будет принимать одно из двух значений: Россия или другая страна. В этом случае мы исключаем из анализа тех представителей МВП, которые намерены через пять лет жить в Средней Азии. Для работающих мигрантов и иностранных студентов мы будем проводить анализ методом мультиномиальной логистической регрессии, поскольку зависимая переменная — миграционные планы в пятилетней перспективе — принимает одно из трех значений: респондент собирается жить в России (это будет наша опорная категория), в родной стране Средней Азии или в другой стране.

Иностранные студенты

Для изучения факторов, связанных с миграционными намерениями иностранных студентов, мы проводим анализ методом мультиномиальной регрессии, в которой зависимая переменная принимает одно из трех значений: респондент планирует оставаться в России (опорная категория), возвращаться в Среднюю Азию или уезжать в некоторую третью страну. Поскольку количество наблюдений в этой подвыборке небольшое, число независимых переменных, которые могут быть одновременно включены в модель, ограничено. В первой модели (см. табл. 3) в качестве независимых переменных фигурируют пол, возраст и этническая категория (которая, напомним, сильно связана со страной окончания школы). Дальнейшее тестирование моделей, в которых участвовали эти три социально-демографические характеристики (пол, возраст, этническая категория), а также иные переменные, включавшиеся поочередно по одной, показало, что раз за разом ни пол, ни возраст не значимы, поэтому они были исключены из второй, финальной, модели, в которую благодаря этому можно было включить больше других значимых независимых переменных. Стоит отметить, что в идеальном случае мультиномиальная регрессия требовала бы большего числа наблюдений при том числе независимых переменных, которое мы используем во второй модели. Тем не менее нам важно было проверить, как переменные взаимодействуют друг с другом.

Результаты анализа демонстрируют следующее. Для иностранных студентов наиболее важными факторами, связанными с ориентацией на Россию в сравнении со Средней Азией и третьими странами, оказались этническая категория, уверенность в возможности найти работу и защитить свои права в России, отсутствие сильной ностальгии по родной стране и характеристики круга общения. В России — в сравнении со Средней Азией и с третьими странами — чаще планируют жить те, кто идентифицировал себя как таджика, чем как киргиза или узбека. Кроме того, оставаться в России, а не возвращаться в Среднюю Азию хотят те, кто уверен, что мог бы найти хорошую работу в России, а возвращаться домой, напротив, чаще планируют те, кто чувствует себя «по-настоящему хорошо» только дома и у кого в ближайшем круге общения выше доля связей с представителями этнических категорий, распространенных в Средней Азии. Правовая защищенность — фактор, связанный с выбором между Россией и третьими странами: те, кто не чувствует, что в России может защитить свои права, предпочитает уехать из России в другую страну — но для возвращения домой этот фактор не значим.

Таблица 3. Результаты мультиномиальной логистической регрессии для иностранных студентов

	Модель 1						Модель 2					
	В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)			В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)		
	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-0,418	0,558	0,659	-0,135	0,564	0,874						
Возраст	-0,134	0,096	0,874	-0,118	0,097	0,888						
Этническая категория (ref = «узбек»)												
киргиз	-0,973	0,641	0,378	0,180	0,628	1,197	-0,597	0,723	0,550	0,380	0,620	1,462
таджик	-2,606***	0,557	0,074	-1,149*	0,500	0,317	-1,977**	0,611	0,138	-0,844*	0,499	0,430
Несогласие с высказыванием «Я уверен, что смог бы найти хорошую работу в России» (ref = «согласие»)							2,212**	0,773	9,131	-0,165	0,828	0,848
Несогласие с высказыванием «В России я всегда могу отстоять свои права» (ref = «согласие»)							0,309	0,571	1,362	1,026*	0,477	2,791
Несогласие с высказыванием «Мне по-настоя- щему хорошо только в родной стране» (ref = «согласие»)							-2,265**	0,705	0,104	-0,518	0,458	0,596
Доля связей с представителями этнических категорий Средней Азии (от 0 до 1)							1,303*	0,676	3,681	-0,425	0,532	0,654
N	149						142					
Псевдо г-квадрат Кокс и Снелл	0,206						0,393					
Псевдо г-квадрат Нэйджелкерк	0,234						0,447					
Псевдо г-квадрат МакФадден	0,108						0,236					

* Здесь и далее: *** $p < 0,001$, ** $0,001 \leq p < 0,01$, * $0,01 \leq p < 0,05$, " $0,05 \leq p < 0,1$

Студенты из числа местной молодежи и мигрантов второго поколения

Для этой группы мы проводим анализ методом бинарной логистической регрессии, в которой зависимая переменная принимает значения 1 — Россия или 0 — другая страна. Несмотря на то что мигранты второго поколения могли также выбирать страну в Средней Азии, где родились их родители, мы исключили эту категорию из анализа. Значимость миграционного бэкграунда для миграционных планов сохраняется в первой модели (см. табл. 4), в которой в качестве независимых участвуют также базовые социально-демографические характеристики: пол и возраст. Однако уже в следующей модели эти различия между местной молодежью и МВП исчезают, когда мы включаем в модель регион проживания и семейное положение (несмотря на то что последняя переменная в модели не значима, только сочетание этих двух переменных позволяет нивелировать различия между местными и мигрантами второго поколения). Студенты, проживающие в мегаполисах, в большей степени хотят остаться в России, тогда как жители других регионов хотят уехать в другие страны. С ориентацией на другую страну связано убеждение, что люди, уезжающие в другую страну, более смелые и амбициозные. Если респондент не уверен в возможности защитить свои права и в том, что такие люди, как он, нужны России, а в его кругу общения более высокая доля тех, кто живет не в России, то он будет в большей степени ориентирован на отъезд — и в этой модели различия между мигрантами второго поколения и местной молодежью стираются.

Таблица 4. Результаты бинарной логистической регрессии для студентов — местной молодежи и мигрантов второго поколения (зависимая переменная: 1 — Россия, 0 — другая страна)

	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4		Модель 5	
	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-0,036	0,965	0,085	1,089	0,168	1,183	0,262	1,299	0,324	1,383
Возраст	-0,012	0,988	0,022	1,022	0,006	1,006	-0,013	0,987	0,001	1,001
Местная молодежь (ref = «мигрант второго поколения»)	-0,899*	0,407	-0,656	0,519	-0,478	0,620	0,493	1,637	0,624	1,866
Состоит в браке или живет с партнером (ref = «не состоит в браке и не живет с партнером»)			-0,197	0,821	0,308	1,360	0,046	1,047	0,016	1,016
Живет в Москве или Санкт- Петербурге (ref = «живет в другом регионе»)			0,878*	2,406	0,734	2,084	0,848*	2,335	0,768	2,156
Согласие с высказыванием «Люди, которые уезжают в другую страну, более смелые и амбициозные» (ref = «несогласие»)					-0,989***	0,372				

	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4		Модель 5	
	В	Exp (В)	В	Exp (В)	В	Exp (В)	В	Exp (В)	В	Exp (В)
Согласие с высказыванием «Люди, которые уезжают в другую страну, — лентяи, которые не смогли себя реализовать в своей стране» (ref = «несогласие»)					0,393	1,482				
Согласие с высказыванием «В России я всегда могу отстоять свои права» (ref = «несогласие»)							0,619**	1,857	0,628**	1,873
Согласие с высказыванием «Я чувствую, что такие люди, как я, нужны России» (ref = «несогласие»)							0,528**	1,695	0,542**	1,720
Доля социальных связей с теми, кто сейчас живет в России									3,114**	22,521
Константа	0,687	1,988	0,252	1,287	1,914	6,782	-2,442	0,087	-5,501	0,004
R-квадрат	0,037		0,072		0,269		0,231		0,287	
N	319		319		319		319		319	

Работающие мигранты

Для работающих мигрантов мы провели анализ методом мультиномиальной регрессии, в которой зависимая переменная принимает одно из трех значений: человек планирует оставаться в России (опорная категория), возвращаться в Среднюю Азию или уезжать в третью страну. В отличие от иностранных студентов, где выделялась таджикская этническая категория, в этой подвыборке различаются все три категории (см. табл. 5): «киргизы» больше остальных ориентированы на возвращение домой, чем на жизнь в России, а «таджики» несколько чаще «узбеков» планируют оставаться в России (в последнем случае значимость пограничная). «Таджики», кроме того, реже «киргизов» строят планы на отъезд в другие страны. Мужчины чаще хотят остаться в России, а женщины — вернуться в Среднюю Азию (пограничная значимость). Чем старше респондент, тем чаще между Россией и Средней Азией он выбирает первую (при этом если в модели присутствует возраст, то ни возраст первого приезда в Россию, ни число лет, которое прошло с момента первой поездки, не значимы). Факторы, связанные с оценкой среды в России — ощущение собственной невостребованности и невозможности защитить свои права в России, а также низкая степень привязанности к России (невозможность «стать своим»), — «выталкивают» работающих мигрантов из России сразу в двух направлениях: домой и в другие страны (см. табл. 6).

Интересно, что в этих же двух направлениях действует фактор ностальгии по родной стране: те респонденты, которые согласны с высказыванием «Мне по-настоящему хорошо только в родной стране», чаще говорят о желании жить не в России, а в Средней Азии или в некоторой другой стране. Уровень заработной платы и высокая оценка своей работы оказались незначимыми, в отличие от удовлетворенности доходом. Не значимыми оказались и размер денежных переводов, а также наличие гражданства РФ.

Таблица 5. Результаты мультиномиальной логистической регрессии для работающих мигрантов: модели 1 и 2

	Модель 1						Модель 2					
	В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)			В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)		
	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	0,154	0,355	1,166	-0,646*	0,371	0,524	0,154	0,355	1,166	-0,646*	0,371	0,524
Возраст	-0,002	0,043	0,998	-0,100*	0,050	0,905	-0,002	0,043	0,998	-0,100*	0,050	0,905
Этническая категория (ref = «узбек»):												
киргиз	1,158**	0,344	3,184	0,663	0,404	1,940						
таджик	-0,730*	0,404	0,482	-0,497	0,450	0,608						
Этническая категория (ref = «киргиз»):												
узбек							-1,158**	0,344	0,314	-0,663	0,404	0,515
таджик							-1,888***	0,328	0,151	-1,160**	0,362	0,313
N	387						387					
Псевдо г-квадрат Кокс и Снелл	0,143						0,143					
Псевдо г-квадрат Нэйджелкерк	0,165						0,165					
Псевдо г-квадрат МакФадден	0,077						0,077					

Таблица 6. Результаты мультиномиальной логистической регрессии для работающих мигрантов: модель 3

	Модель 3					
	В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)		
	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-0,340	0,440	0,712	-0,875*	0,429	0,417
Возраст	0,013	0,052	1,014	-0,091	0,056	0,913

	Модель 3					
	В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)		
	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)
Этническая категория (ref = «киргиз»):						
узбек	-1,223**	0,419	0,294	-0,462	0,443	0,630
таджик	-1,781***	0,380	0,168	-1,142**	0,396	0,319
Несогласие с высказыванием «В России я всегда могу отстоять свои права» (ref = «согласие»)	0,767*	0,305	2,154	0,597"	0,324	1,817
Несогласие с высказыванием «Я чувствую, что такие люди, как я, нужны России» (ref = «согласие»)	0,749*	0,322	2,114	0,871**	0,335	2,388
Несогласие с высказыванием «В России меня никогда не будут считать своим» (ref = «согласие»)	-0,645*	0,322	0,524	-0,911**	0,345	0,402
Несогласие с высказыванием «Мне по-настоящему хорошо только в родной стране» (ref = «согласие»)	-2,243***	0,344	0,106	-0,766*	0,329	0,465
Несогласие с высказыванием «Я доволен своим доходом» (ref = «согласие»)	0,600*	0,303	1,823	0,566"	0,326	1,761
N	380					
Псевдо r-квадрат Кокс и Снелл	0,365					
Псевдо r-квадрат Нэйджелкерк	0,424					
Псевдо r-квадрат МакФадден	0,229					

Работающие респонденты из числа местной молодежи и мигрантов второго поколения

Для этой подвыборки проводится анализ с помощью бинарной логистической регрессии, в которой зависимая переменная принимает одно из двух значений: респондент ориентирован на жизнь в России или в другой стране. Статистически значимая разница между местной молодежью и мигрантами второго поколения наблюдается в ряде моделей (см. табл. 7), но существуют модели, в которых она пропадает (см. табл. 8). Различия между местной молодежью и МВП не нивелируются переменными, характеризующими удовлетворенность работой и доходом (модель 2), а также сочетанием индивидуализма и стремлением к новизне (модель 3). Тем не менее они пропадают в моделях, где присутствуют переменные, характеризующие удовлетворенность работой и доходом и ощущение правовой защищенности (модель 4), этническую инклюзивность и уровень индивидуализма (модель 5), а также ощущение востребованности в России (модель 6).

Наиболее значимы те переменные, которые характеризуют удовлетворенность работой и доходом и ощущение правовой защищенности — модели с их участием отличаются самым высоким показателем R-квадрат (модели 2 и 4). Чем больше респондент уверен, что сможет защитить свои права, доволен своей работой и не считает, что в другой стране был бы более состоятельным человеком, тем чаще он намерен оставаться в России. В отличие от других групп, значимыми для миграционных намерений в этой подвыборке оказались стремление к новизне, индивидуализм и этническая инклюзивность: чем они более проявлены, тем более респондент будет стремиться уехать в другую страну (модели 3 и 5). При этом интересно, что отсутствие правовой защищенности оказывается менее значимым, чем ощущение своей востребованности в России (модель 6). Как и в случае работающих мигрантов, уровень зарплаты и характер занятости (наемный работник, бизнес, работа на себя) не значимы. А если человек считает, что у него хорошая работа, это оказывается более значимым, чем удовлетворенность доходом — хотя эти переменные коррелируют друг с другом ($r = 0,517$, $p < 0,001$).

Таблица 7. Результаты бинарной логистической регрессии для работающих респондентов из числа местной молодежи и мигрантов второго поколения (зависимая переменная: 1 — Россия, 0 — другая страна): модели 1—3

	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	0,107	1,113	-0,399	0,671	0,027	1,027
Возраст	0,028	1,028	-0,018	0,982	-0,080	0,923
Местная молодежь (ref = «мигрант второго поколения»)	-1,977***	0,138	-1,384**	0,251	-2,086***	0,124
Состоит в браке или живет с партнером (ref = «не состоит в браке и не живет с партнером»)	-0,115	0,892	-0,195	0,823	0,122	1,129

	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)
Живет в Москве или Санкт-Петербурге (ref = «живет в другом регионе»)	-0,688	0,503	-0,860	0,423	-0,580	0,560
Согласие с высказыванием «У меня хорошая работа» (ref = «несогласие»)			0,698**	2,009		
Согласие с высказыванием «В другой стране я был бы более богатым человеком, чем в России» (ref = «несогласие»)			-1,459***	0,232		
Согласие с высказыванием «Следовать за собственной мечтой важнее, чем выполнять долг перед семьей и родственниками» (ref = «несогласие»)					-0,605***	0,546
Согласие с высказыванием «Я люблю пробовать новое» (ref = «несогласие»)					-0,643*	0,526
Константа	2,003	7,410	4,424	83,401	4,700	109,984
R-квадрат	0,166		0,439		0,276	
N	232		229		231	

Таблица 8. **Результаты бинарной логистической регрессии для работающих респондентов из числа местной молодежи и мигрантов второго поколения (зависимая переменная: 1 — Россия, 0 — другая страна): модели 4—6**

	Модель 4		Модель 5		Модель 6	
	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-0,441	0,644	0,331	1,393	0,037	1,038
Возраст	-0,012	0,988	-0,031	0,970	0,023	1,023
Местная молодежь (ref = «мигрант второго поколения»)	-0,784	0,457	-1,895	0,150	-0,886	0,412
Состоит в браке или живет с партнером (ref = «не состоит в браке и не живет с партнером»)	-0,123	0,884	-0,095	0,910	0,023	1,023

	Модель 4		Модель 5		Модель 6	
	В	Exp (В)	В	Exp (В)	В	Exp (В)
Живет в Москве или Санкт-Петербурге (ref = «живет в другом регионе»)	-0,750	0,473	-0,580	0,560	-0,582	0,559
Согласие с высказыванием «У меня хорошая работа» (ref = «несогласие»)	0,569**	1,766				
Согласие с высказыванием «В другой стране я был бы более богатым человеком, чем в России» (ref = «несогласие»)	-1,391***	0,249				
Согласие с высказыванием «В России я всегда могу отстоять свои права» (ref = «несогласие»)	0,512*	1,668			0,461	1,586
Согласие с высказыванием «Я чувствую, что такие люди, как я, нужны России» (ref = «несогласие»)					0,709***	2,031
Согласие с высказыванием «Следовать за собственной мечтой важнее, чем выполнять долг перед семьей и родственниками» (ref = «несогласие»)			-0,593***	0,552		
Согласие с высказыванием «Я никогда не выдам свою дочь за мужчину другой национальности» (ref = «несогласие»)			0,523**	1,688		
Константа	3,616	37,204	2,122	8,345	-0,155	0,856
R-квадрат	0,456		0,29		0,333	
N	229		230		232	

Результаты сравнения

Изучив, какие факторы связаны с миграционными планами четырех групп молодежи, мы можем провести попарное сравнение: иностранных студентов мы сравним со студентами из числа местной молодежи и МВП, а работающих мигрантов — с работающими респондентами из числа местной молодежи и МВП.

Сравнение факторов, значимых для миграционных намерений иностранных студентов, с одной стороны, и студентов из числа местной молодежи и МВП — с другой, позволяет заключить следующее. Универсальный фактор, значимый для миграционных намерений обеих групп, — это ощущение правовой защищенности. Студенты, неуверенные в возможности защитить свои права, чаще планируют, что через пять лет будут жить не в России, а в другой стране. При этом для выбора между Россией и Средней Азией этот фактор незначим — возможно, по уровню правовой защищенности Россия и страны Средней Азии представляются иностранным студентам сопоставимыми. Тем не менее наблюдаются и различия между этими группами. Для миграционных планов иностранных студентов оказались незначимы позитивная или негативная оценка людей, которые отправляются в другие страны, и чувство собственной востребованности в России; для них важна, с одной стороны, привязанность к родной стране, с другой — возможность трудоустройства в России. Студенты из числа местной молодежи и МВП, которые планируют оказаться через пять лет в другой стране, склонны считать, что отправляющиеся в другие страны люди более смелые и амбициозные. Возможно, так в этой группе проявляется романтизация миграции, не свойственная иностранным студентам, которые уже имеют собственный опыт миграции и потому имеют более прагматические ожидания от России. Для учащейся местной молодежи и МВП также важно чувство собственной востребованности в России: можно предположить, что это некоторый поиск своей миссии — характеристика, которая тоже далека от прагматических причин. Для иностранных студентов самые весомые факторы (по показателю $\text{Exp}(B)$, или Odds ratio) — это привязанность к родной стране и уверенность в трудоустройстве в России, а для местной молодежи и МВП — наличие связей с людьми, которые живут в России или в других странах. Для студентов — и иностранных, и окончивших школу в России — оказались незначимы такие характеристики, как бюджетная или коммерческая форма обучения и специальность.

Сравнение же работающих мигрантов с работающими респондентами из числа местной молодежи и МВП показывает следующее. Для тех и других имеют значение ощущение правовой защищенности и своей востребованности в России, а также оценка своей работы или экономического положения. Однако если для мигрантов удовлетворенность своим доходом оказывается важнее «хорошей работы», то для местной молодежи и МВП — ровно наоборот. При этом «объективные» характеристики работы — зарплата, характер занятости (работа на себя, по найму, личный или семейный бизнес) — не связаны с миграционными намерениями ни в одной, ни в другой группе. Самым весомым фактором (по показателю $\text{Exp}(B)$, или Odds Ratio) для мигрантов является привязанность к родной стране, а для местной молодежи и МВП — ощущение «упущенной выгоды»: предположение, что в другой стране респондент был бы более состоятельным человеком.

В целом «выталкивающим» фактором для всех без исключения групп молодежи является ощущение правовой незащищенности в России. Для большинства групп также важно ощущение своей востребованности в России. Привязанность к родной стране и ностальгия (характерная в наибольшей степени для представителей узбекской этнической категории и в наименьшей — для таджикской) действуют

не только как фактор, «притягивающий» мигрантов первого поколения в родные страны, но и, удивительным образом, как фактор, выталкивающий их из России в третьи страны. Более того, в целом, «таджики» больше остальных этнических категорий ориентированы на Россию. Если факторы, связанные с оценкой среды (правовая защищенность, уверенность в возможности найти работу и быть востребованным в России), значимы для каждой группы, то переменные, характеризующие индивидуальные установки (стремление к новому, индивидуализм, этническая инклюзивность), оказались значимы только для миграционных намерений работающих местных и МВП.

Условия, при которых желающие уехать из России готовы отказаться от своих планов

В предыдущих частях мы выяснили, что, во-первых, весомая часть молодежи в пятилетней перспективе имеет намерение жить не в России, а во-вторых, значимыми факторами, связанными с наличием таких миграционных планов, являются характеристики российской среды. В этой части мы попробуем ответить на вопрос, какими могут быть основные направления российской политики, нацеленной на сокращение этого миграционного потенциала. Для этого мы проанализируем условия, при которых респонденты, планирующие через пять лет жить не в России, готовы изменить свои намерения. Этой группе респондентов задавался вопрос: «Представьте, что российское государство очень хочет, чтобы такие люди, как Вы, из России не уезжали. Какие из условий должны быть выполнены, чтобы Вы остались?». Далее предлагался список из шести условий, каждое из которых нужно было оценить по 4-балльной шкале от 0 до 3: «совсем не важно» (0), «скорее не важно» (1), «скорее важно» (2), «очень важно» (3). Кроме того, был предложен вариант «другое» с возможностью вписать свой вариант, однако анализ и кодировка этих ответов не позволили выделить тот, который по своей частоте составил бы конкуренцию предложенным нами.

Различия между учащимися и работающими среди МВП и местных оказались менее значимыми, чем различия между МВП и местными, поэтому в этой части мы будем сравнивать четыре группы: (1) иностранных студентов, (2) работающих мигрантов, (3) МВП, (4) местную молодежь.

Независимо от группы, все респонденты высоко оценили два условия: справедливое отношение представителей органов власти и наличие хорошей работы с достойной зарплатой (см. табл. 9). В оценке же остальных четырех условий группы расходятся. Дружелюбное отношение окружающих, возможность быстро оформить нужные документы и возможность проживания рядом с родственниками — это то, что нужно мигрантам первого поколения (иностранным студентам и работающим мигрантам), но не кажется важным местной молодежи. Последняя, в свою очередь, выше остальных оценила возможность участия в политической жизни страны (см. рис. 5—8).

Таблица 9. Средняя оценка важности разных условий для того, чтобы остаться в России (отсортировано по убыванию)

	Представьте, что российское государство очень хочет, чтобы такие люди, как Вы, из России не уезжали. Какие из условий должны быть выполнены, чтобы Вы остались?	Средняя оценка по 4-балльной шкале (0 — совсем не важно, 3 — очень важно)	N
1	Чтобы представители органов власти (полиция, чиновники и т. д.) вели себя по отношению ко мне справедливо	2,68	533
2	Чтобы у меня была хорошая работа с достойной зарплатой	2,56	533
3	Чтобы я мог быстро и просто получить необходимые документы	2,51	533
4	Чтобы окружающие люди относились ко мне дружелюбно	2,05	532
5	Чтобы рядом со мной жили мои родственники	1,79	530
6	Чтобы я мог влиять на политические процессы в России	1,70	531

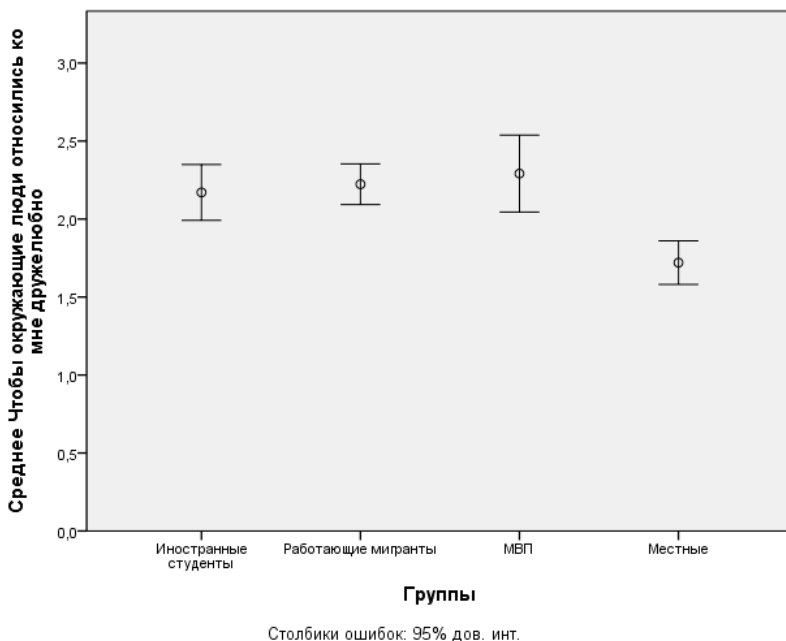

Рис. 5. Сравнение средних по оценке важности условия «Чтобы окружающие люди относились ко мне дружелюбно»

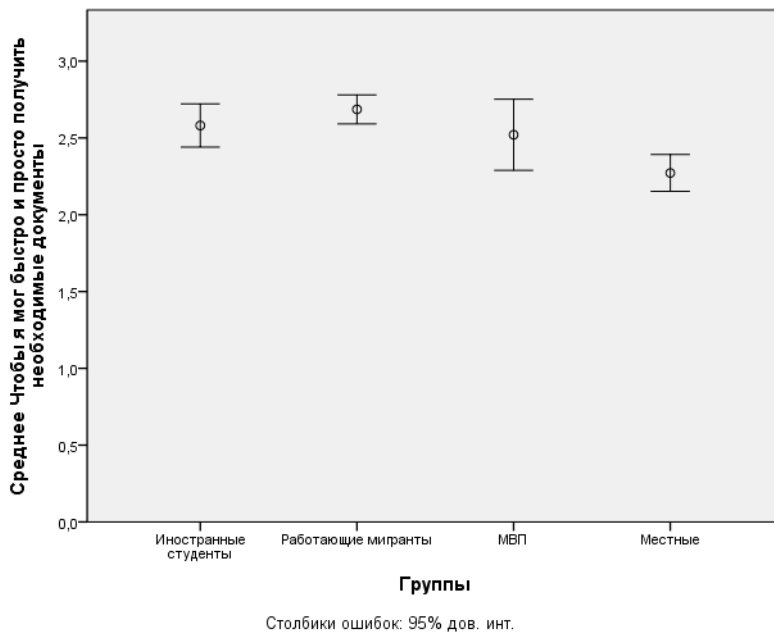

Рис. 6. Сравнение средних по оценке важности условия «Чтобы я мог быстро и просто получить необходимые документы»

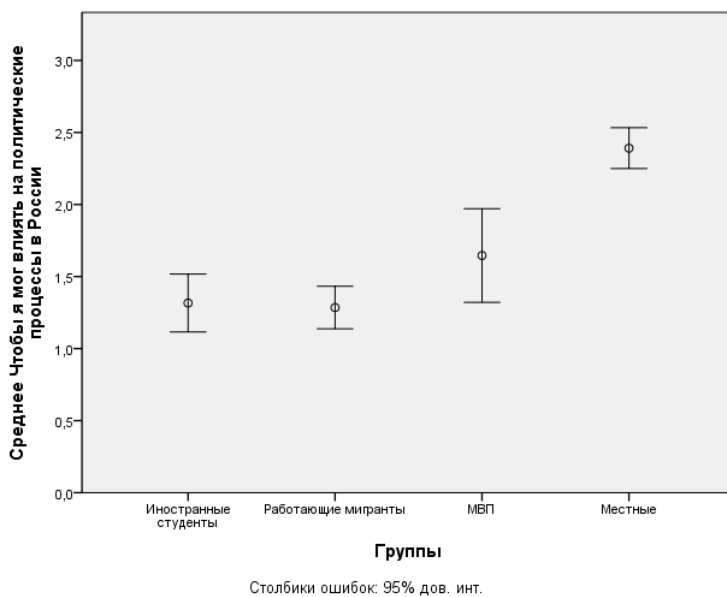

Рис. 7. Сравнение средних по оценке важности условия «Чтобы я мог влиять на политические процессы в России»

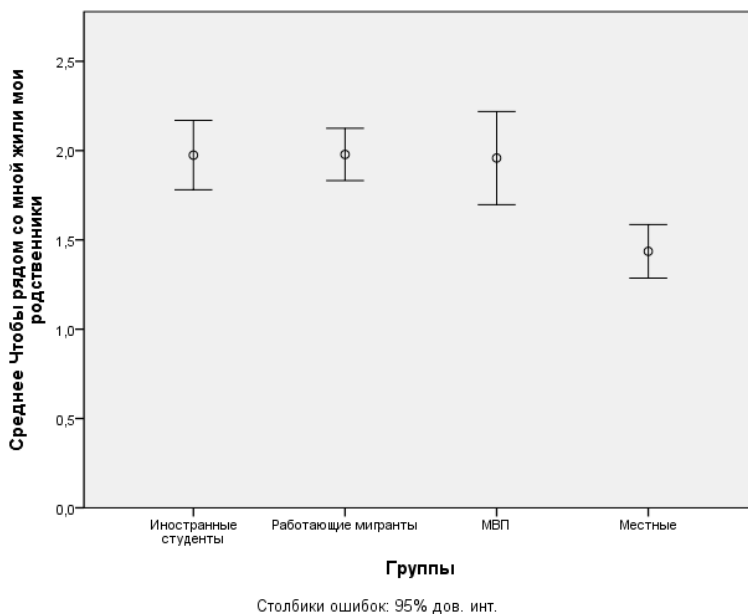

Рис. 8. Сравнение средних по оценке важности условия «Чтобы рядом со мной жили мои родственники»

В целом, рейтинги этих условий для четырех групп выглядят следующим образом. Для иностранных студентов и работающих мигрантов три наиболее важных запроса включают в себя возможность получить необходимые документы, справедливое отношение представителей органов власти и трудоустройство. МВП и местная молодежь на первое место поставили справедливое отношение органов власти, на второе — трудоустройство, а вот мнения относительно третьего места разделились: МВП выбрали возможность получить необходимые документы, а местная молодежь — возможность влиять на политические процессы в России.

Несмотря на имеющиеся расхождения, для всех групп молодежи важными оказались два условия — наличие хорошей работы с достойной зарплатой и справедливое отношение представителей органов власти, которое рифмуется с правовой защищенностью.

Обсуждение и заключение

Ориентация примерно половины молодежи с разным миграционным бэкграундом на Россию в половине случаев — это много или мало? Насколько этот результат неожиданный и насколько он совпадает с результатами других исследований? Неожиданным представляется то, что чаще с Россией связывают свое будущее работающие мигранты и мигранты второго поколения, нежели местная молодежь. Показатель местной молодежи можно было бы считать завышенным и объяснить спецификой рекламного объявления, предположив, что вопросом о том, оставаться или уезжать, скорее могут заинтересоваться те, кто размышляет

об отъезде. Однако этот результат совпадает с результатами репрезентативного всероссийского опроса «Левада-Центра», проведенного в конце 2019 г.: 53 % молодежи в возрасте 18—24 лет хотели бы эмигрировать⁶.

Показатели, характеризующие миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом, можно с осторожностью сопоставить с данными опросов, проведенных нами в предыдущие годы. Согласно результатам опроса МВП, проведенного с помощью таргетинга в социальных сетях в 2018 г., около 65 % респондентов киргизского происхождения, 78 % респондентов таджикского происхождения и 79 % респондентов узбекского происхождения планировали в будущем жить в России [Варшавер и др., 2018] — и эти показатели близки к полученным нами в нынешнем опросе. Согласно опросу киргизских мигрантов в Москве, проведенному вокруг случайно отобранных станций метро зимой 2013—2014 гг., остаться в России в будущем собирались лишь 3 % опрошенных [Варшавер и др., 2014]. Опрос мигрантов из Узбекистана и Таджикистана, проведенный с помощью таргетинга в «Одноклассниках» и «ВКонтакте» в 2016 г., показал, что 21 % респондентов 18—35 лет собирались в будущем жить в России [Rocheva, Varshaver, Ivanova, 2019]. В нашем же опросе 2020 г., результаты которого были представлены в данной статье, ориентации работающих мигрантов на Россию выше. Это расхождение может объясняться тем, что, вероятно, молодые мигранты в значительном числе случаев в пятилетней перспективе ориентируются на проживание в России, тогда как в более долгосрочной перспективе их планы с Россией могут быть связаны меньше.

Если оценивать потенциал миграционного оттока посредством не только индивидуальных миграционных планов, но и склонности выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации, то этот показатель еще выше для местной молодежи и мигрантов второго поколения. При этом для мигрантов второго поколения, в отличие от местной молодежи, сдерживающим фактором служит ориентация на проживание рядом с родителями. Интересно, что иностранные студенты и работающие мигранты — то есть те, кто имеет личный миграционный опыт, — герою гипотетической ситуации советуют не уезжать из дома или вернуться домой чаще, чем сами собираются в пятилетней перспективе. Возможно, наличие миграционного опыта — это не столько миграционный капитал, помогающий избавиться от страхов перед миграцией, как обсуждается в литературе [Ivlevs, King, 2012], сколько знание реальной, часто непростой ситуации. Этим знанием, скорее всего, не обладают представители местной молодежи, поэтому для тех из них, кто собирается уехать, миграция — это удел амбициозных и смелых. Иностранцы студенты и работающие мигранты в равной степени собираются возвращаться домой, но различаются в ориентациях на Россию/другие страны: для иностранных студентов российское образование — это не только возможность остаться в России, но и «трамплин» для того, чтобы уехать в экономически более развитые страны.

Наше исследование подтверждает ряд заключений, выведенных в предшествующей литературе. «Объективные» экономические характеристики, такие как

⁶ Эмиграционные настроения // Аналитический центр Юрия Левады. 2019. 26 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 21.06.2020).

уровень зарплаты, незначимы для миграционных планов работающей молодежи, в отличие от ощущения собственной востребованности в России, удовлетворенности своей работой (в случае работающих из числа местных и МВП) и доходом (для работающих мигрантов). В то же время уверенность в возможности найти хорошую работу — фактор, значимый для иностранных студентов. Ожидаемо значимыми были и социальные связи. Удивительным образом одни аттитудные факторы, такие как установки на этническую эксклюзивность, индивидуализм, стремление к новизне, показали значимость только в группе работающей местной молодежи и МВП, а другие — такие как склонность к рисковому поведению, вера в собственные силы, конформизм, радикализм⁷, — оказались незначимыми. Возможно, они были бы значимы, если бы мы сравнивали мигрантов первого поколения с их соотечественниками, которые никуда не уехали. Тем не менее, если рассматривать планы на отъезд из России в некоторую третью страну, можно было бы ожидать, что какие-то из этих факторов сработают.

В целом миграционные намерения молодежи в большей степени связаны с работой или возможностью самореализации, а также с правовой защищенностью и отношениями с представителями органов власти. При этом ощущение невозможности защитить свои права в России является ведущим «выталкивающим» фактором для всех групп молодежи. В свете этого самая важная — и самая очевидная — из возможных рекомендаций для политики касается правовой защищенности. Один только этот фактор способен увеличить вероятность выбора России в пятилетней перспективе в полтора-два раза. Кроме того, выбирая, на какую страну должны быть нацелены усилия России по привлечению мигрантов, стоит обратить более пристальное внимание на Таджикистан, поскольку именно представители «таджикской» этнической категории среди иностранных студентов и работающих мигрантов демонстрируют наибольшую заинтересованность в России. Для того чтобы молодежь с миграционным бэкграундом предпочитала оставаться в России, важно также снижение градуса ксенофобии. В этом смысле интересная находка — то, что как минимум часть местной молодежи считает, что мигранты более амбициозны и смелы, нежели остальные. Последнее может служить основой для разработки социальной политики, направленной на борьбу с ксенофобией.

Проведенное исследование — одно из первых, в которых сравниваются разные группы молодежи при обеспечении высокого уровня сопоставимости. В рамках существующих ограничений оно помогло ответить на часть вопросов, но много вопросов остается пока без ответа. Например, в этом исследовании мы ориентировались на планы в пятилетней перспективе, но не менее интересно было бы провести сравнение с более долгосрочными планами и с планами, связанными с внутренней миграцией. Также перспективным представляется задаться вопро-

⁷ Склонность к рисковому поведению измерялась с помощью виньетки: «Представьте, что Вы можете получить 500 рублей или лотерейный билет с возможностью выиграть 500 000 рублей. Что Вы выберете?» Если респондент выбирал лотерейный билет, ему предлагался следующий вопрос: «А если Вы можете получить 1000 рублей или лотерейный билет с возможностью выиграть 500 000 рублей, что Вы выберете?» Вера в собственные силы измерялась с помощью вопроса, в котором респонденту предлагалось согласиться или не согласиться с высказыванием: «Я уверен, что всегда смогу обеспечить себя и свою семью». Соответствующие высказывания для измерения уровня радикализма: «Мир устроен неправильно и требует полного переустройства», «Если много работать — обязательно добьешься успеха», «Общественных изменений можно добиться только радикальными мерами». Для измерения уровня конформизма: «В жизни важно не высовываться и делать то, что скажут».

сом, насколько близко респонденты подошли к реализации своих миграционных планов. В некотором роде «темными лошадками» остались фактор эмоциональной привязанности (belonging) к родной стране для мигрантов первого поколения, ощущение собственной востребованности, а также содержание понятия «хорошая работа» для местной молодежи и МВП. Кроме того, требует дополнительного внимания то, какие именно установки и психологические характеристики могут быть релевантны для миграционных намерений молодежи с миграционным бэкграундом.

Список литературы (References)

Абанкина Т. В., Красилова А. Н., Ястребов Г. А. Образование как старт для жизни: Жизненные планы сельских школьников в России // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 87—120. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-2-87-120>.

Abankina T. V., Krasilova A. N., Yastrebov G. A. (2012) Education as a Start in Life: Life Plans of Rural High School Students in Russia. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 87—120. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-2-87-120>. (In Russ.)

Варшавер Е. А., Казенин К. И., Стародубровская И. В., Яновский К. Э., Жаворонков С. В., Новиков В. В., Рочева А. Л., Грунина Ю. Ю., Иванова Н. С., Титова К. П., Малышева Ю. С. Анализ интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России: отчет о НИР (заключит.). Москва: РАНХиГС, 2018.

Varshaver E. A., Kazenin K. I., Starodubrovskaya I. V., Yanovskiy K. E., Zhavoronkov S. V., Novikov V. V., Rocheva A. L., Grunina Yu. Yu., Ivanova N. S., Titova K. P., Malysheva Yu. S. (2018) Analysis of the Integration Paths of Second-Generation Migrants in Russia: Research Report (Final). Moscow: RANEPА. (In Russ.)

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Вглядываясь в «этническое» сообщество: Отличия характеристик интеграции в «земляческо-родственные» и «национальные» круги на примере мигрантов из Киргизии в Москве // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 3—1. С. 24—38. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2015-14-3-1>.

Varshaver E. A., Rocheva A. L. (2015) Peering into «Ethnic» Community: Integration in Performance Differences «Patriotic-Related» and «National» Wheels (Case of Migrants from Kyrgyzstan in Moscow). *Social Policy and Sociology*. Vol. 14. No. 3—1. P. 24—38. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2015-14-3-1>. (In Russ.)

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Кочкин Е. В., Кулдина Е. С. Киргизские мигранты в Москве : Результаты количественного исследования интеграционных траекторий. Препринт. М.: Центр исследований миграции и этничности РАНХиГС, 2014. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2425312>.

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Kochkin E. V., Kuldina E. S. (2014) Kyrgyz Migrants in Moscow: Results of a Quantitative Research on Integration Tracks. Preprint. Moscow: Centre for Ethnicity and Migration Research RANEPА. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2425312>. (In Russ.)

Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С. Миграционные планы выпускников региональных ВУЗов России // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36—58.

Varshavskaya E. Ya., Chudinovskikh O. S. (2014) Migration Intentions of Graduates of Russia's Regional Higher Educational Institutions. *Moscow University Economics Bulletin*. No. 3. P. 36—58. (In Russ.)

Вашко О. А. Миграционные установки белорусских и иностранных студентов Белорусского государственного медицинского университета // Беларусь в современном мире: материалы XIV Международной конференции, посвященной 94-летию образования Белорусского государственного университета / под ред. В. Г. Шадурского и др. Минск: Издательский центр БГУ, 2016. С. 328—330.

Vashko O. A. (2016) Migration Installations of Belarusian and Foreign Students of the Belarusian State Medical University. In: Shadurskiy V. G. et al. (eds.) *Belarus in the Contemporary World: Proceedings of the XIVth International Conference Dedicated to the 94th Anniversary of the Belarusian State University*. Minsk: BSU Publishing Center. P. 328—330. (In Russ.)

Воронина М. А. Миграционные намерения постоянного и прибывшего населения в еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2011. Т. 14. № 1. С. 97—99.

Voronina M. A. (2011) Migratory Intentions of the Indigenous and Entrant Population in the Jewish Autonomous Region. *Regional Problems*. Vol. 14. No. 1. P. 97—99. (In Russ.)

Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского Университета. Серия 5. География. 2019. № 6. С. 82—89.

Karachurina L. B., Florinskaya Yu. F. (2019) Migration Intentions of School Graduates in Small and Midsize Towns of Russia. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*. Vol. 6. P. 82—89. (In Russ.)

Пешкова В. М. Жизненные планы трудовых мигрантов из Средней Азии в России: Нарративы и практики // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 48—62.

Peshkova V. M. (2017) Life Plans of Central Asian Migrants in Russia: Narratives and Practices. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3. P. 48—62. (In Russ.)

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Миграционные планы вьетнамской молодежи в контексте Российской политики привлечения образовательных мигрантов // Вьетнамские исследования. 2017. № 7. С. 204—211.

Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E. (2017) Vietnamese Youth Migration Plans in the Context of the Russian Policy of Attracting Educational Migrants. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. No. 7. P. 204—211. (In Russ.)

Флоринская Ю. Ф., Рощина Т. Г. Миграционные намерения выпускников школ малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 2. С. 77—87.

Florinskaya Yu. F., Roshchina T. G. (2005) Migration Intentions of Graduates of Schools in Small Cities of Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 77—87. (In Russ.)

Шагалкина М. В., Латуха М. О., Мицкевич Е. А., Строгетская Е. В. Факторы миграционных намерений талантливых выпускников ведущих ВУЗов России // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17. № 4. С. 445—466. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2019.402>.

Shagalkina M. V., Latukha M. O., Mitskevich E. A., Strogetskaia E. V. (2019) Factors of Migration Intentions of Talented Graduates from Leading Russian Universities. *Russian Management Journal*. Vol. 17. No. 4. P. 445—466. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2019.402>. (In Russ.)

Anniste K., Tammaru T. (2014) Ethnic Differences in Integration Levels and Return Migration Intentions: A Study of Estonian Migrants in Finland. *Demographic Research*. Vol. 30. No. 1. P. 377—412. <https://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2014.30.13>.

Baykara-Krumme H. (2013) Returning, Staying, or Both? Mobility Patterns among Elderly Turkish Migrants after Retirement. *Transnational Social Review*. Vol. 3. No. 1. P. 11—29. <https://doi.org/10.1080/21931674.2013.10820745>.

Berlinschi R., Harutyunyan A. (2019) Do Migrants Think Differently? Evidence from Eastern European and Post-Soviet States. *International Migration Review*. Vol. 53. No. 3. P. 831—868. <https://doi.org/10.1177/0197918318777745>.

Bjarnason T. (2014) Adolescent Migration Intentions and Population Change: A 20-Year Follow-Up of Icelandic Communities. *Sociologia Ruralis*. Vol. 54. No. 4. P. 500—515. <https://doi.org/10.1111/soru.12050>.

Bolzman C., Fibbi R., Vial M. (2006) What to Do after Retirement? Elderly Migrants and the Question of Return. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 32. No. 8. P. 1359—1375. <https://doi.org/10.1080/13691830600928748>.

Caron L. (2019) An Intergenerational Perspective on (Re)Migration: Return and Onward Mobility Intentions across Immigrant Generations. *International Migration Review*. <https://doi.org/10.1177/0197918319885646>.

Chikanda A. (2006) Skilled Health Professionals' Migration and Its Impact on Health Delivery in Zimbabwe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 32. No. 4. P. 667—680. <https://doi.org/10.1080/13691830600610064>.

Chort I. (2014) Mexican Migrants to the US: What Do Unrealized Migration Intentions Tell Us about Gender Inequalities? *World Development*. Vol. 59. P. 535—552. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.01.036>.

Chu J. L., Snider C. E. (2013) Use of a Social Networking Web Site for Recruiting Canadian Youth for Medical Research. *Journal of Adolescent Health*. Vol. 52. No. 6. P. 792—794. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2012.12.002>.

Crisan E. L., Crisan-Mitra C., Dragos C. (2019) The Impact on Migration Intentions of Perceived Corruption at the Organizational and Country Level in Romania. *Eastern*

European Economics. Vol. 57. No. 5. P. 430—455. <https://doi.org/10.1080/00128775.2018.1533410>.

Dako-Gyeke M. (2016) Exploring the Migration Intentions of Ghanaian Youth: A Qualitative Study. *Journal of International Migration and Integration*. Vol. 17. No. 3. P. 723—744. <https://doi.org/10.1007/s12134-015-0435-z>.

de Jong G. F., Davis Root B., Gardner R. W., Fawcett J. T., Abad R. G. (1985) Migration Intentions and Behavior: Decision Making in a Rural Philippine Province. *Population and Environment*. Vol. 8. No. 1—2. P. 41—62. <https://doi.org/10.1007/BF01263016>.

de Jong G. F., Richter K., Isarabhakdi P. (1996) Gender, Values, and Intentions to Move in Rural Thailand. *International Migration Review*. Vol. 30. No. 3. P. 748—770. <https://doi.org/10.2307/2547635>.

de Haas H., Fokkema T. (2011) The Effects of Integration and Transnational Ties on International Return Migration Intentions. *Demographic Research*. Vol. 25. P. 755—782. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2011.25.24>.

Docquier F., Peri G., Ruysen I. (2014) The Cross-Country Determinants of Potential and Actual Migration. *International Migration Review*. Vol. 48. No. 1_suppl. P. 37—99. <https://doi.org/10.1111/imre.12137>.

Efendic A. (2016) Emigration Intentions in a Post-Conflict Environment: Evidence from Bosnia and Herzegovina. *Post-Communist Economies*. Vol. 28. No. 3. P. 335—352. <https://doi.org/10.1080/14631377.2016.1166800>.

García M. C. (2006) Seeking Refuge: Central American Migration to Mexico, the United States, and Canada. Berkeley, CA: University of California Press. <https://doi.org/10.5860/choice.44-1758>.

Güngör N. D., Tansel A. (2014) Brain Drain from Turkey: Return Intentions of Skilled Migrants. *International Migration*. Vol. 52. No. 5. P. 208—226. <https://doi.org/10.1111/imig.12013>.

Hadler M. (2006) Intentions to Migrate Within the European Union: A Challenge for Simple Economic Macro-Level Explanations. *European Societies*. Vol. 8. No. 1. P. 111—140. <https://doi.org/10.1080/14616690500491324>.

Haug S. (2008) Migration Networks and Migration Decision-Making. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 34. No. 4. P. 585—605. <https://doi.org/10.1080/13691830801961605>.

Heering L., van der Erf R., van Wissen L. (2004) The Role of Family Networks and Migration Culture in the Continuation of Moroccan Emigration: A Gender Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 30. No. 2. P. 323—337. <https://doi.org/10.1080/1369183042000200722>.

Hoffman S., Marsiglia F. F., Ayers S. L. (2015) Religiosity and Migration Aspirations among Mexican Youth. *Journal of International Migration and Integration*. Vol. 16. No. 1. P. 173—186. <https://doi.org/10.1007/s12134-014-0342-8>.

- Imran N., Azeem Z., Haider I. I., Amjad N., Bhatti M. R. (2011) Brain Drain: Post Graduation Migration Intentions and the Influencing Factors among Medical Graduates from Lahore, Pakistan. *BMC Research Notes*. Vol. 4. <https://doi.org/10.1186/1756-0500-4-417>.
- Ivlevs A., King R. M. (2012) Family Migration Capital and Migration Intentions. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 33. No. 1. P. 118—129. <https://doi.org/10.1007/s10834-011-9269-9>.
- Kandel W., Massey D. S. (2002) The Culture of Mexican Migration: A Theoretical and Empirical Analysis. *Social Forces*. Vol. 80. No. 3. P. 981—1004. <https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009>.
- Kaplan S., Grünwald L., Hirte G. (2016) The Effect of Social Networks and Norms on the Inter-Regional Migration Intentions of Knowledge-Workers: The Case of Saxony, Germany. *Cities*. Vol. 55. P. 61—69. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2016.03.017>.
- Khatir A., Rezaei-Moghaddam K. (2014) Evidence from Predictors of Rural Youth's Migration Intentions in Agricultural Communities: The Fars Province, Iran. *Migration and Development*. Vol. 3. No. 2. P. 219—238. <https://doi.org/10.1080/21632324.2014.926612>.
- Khoo S.-E., Hugo G., McDonald P. (2011) Skilled Migration from Europe to Australia. *Population, Space and Place*. Vol. 17. No. 5. P. 550—566. <https://doi.org/10.1002/psp.651>.
- King R., Williams A. M. (2018) Editorial Introduction: New European Youth Mobilities. *Population, Space and Place*. Vol. 24. No. 1. <https://doi.org/10.1002/psp.2121>.
- King R., Gëdeshi I. (2019) New Trends in Potential Migration from Albania: The Migration Transition Postponed? *Migration and Development*. Vol. 9. No. 2. P. 131—151. <https://doi.org/10.1080/21632324.2019.1608099>.
- Laczko F., Tjaden J., Auer D. (2017) Measuring Global Migration Potential, 2010—2015. *Global Migration Data Analysis Centre: Data Briefing Series*. Vol. 55. No. 9. P. 1—14. URL: <https://gmdac.iom.int/gmdac-data-briefing-measuring-global-migration-potential-2010-2015> (дата обращения: 22.06.2020).
- Loschmann C., Siegel M. (2014) The Influence of Vulnerability on Migration Intentions in Afghanistan. *Migration and Development*. Vol. 3. No. 1. P. 142—162. <https://doi.org/10.1080/21632324.2014.885259>.
- Lu M. (1999) Do People Move When They Say They Will? Inconsistencies in Individual Migration Behavior. *Population and Environment*. Vol. 20. No. 5. P. 467—488. <https://doi.org/10.1023/A:1023365119874>.
- Manchin M., Orazbayev S. (2018) Social Networks and the Intention to Migrate. *World Development*. Vol. 109. P. 360—374. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.05.011>.

Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19. No. 3. P. 431—466. <https://doi.org/10.2307/2938462>.

Otrachshenko V., Popova O. (2014) Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *Journal of Socio-Economics*. Vol. 48. P. 40—49. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2013.09.008>.

Park B. K., Calamaro C. (2013) A Systematic Review of Social Networking Sites: Innovative Platforms for Health Research Targeting Adolescents and Young Adults. *Journal of Nursing Scholarship*. Vol. 45. No. 3. P. 256—264. <https://doi.org/10.1111/jnu.12032>.

Plopeanu A.-P., Homocianu D., Mihăilă A. A., Crișan E. L., Bodea G., Bratu R.-D., Airinei D. (2018) Exploring the Influence of Personal Motivations' Beliefs and Attitudes on Students' Post-Graduation Migration Intentions: Evidence from Three Major Romanian Universities. *Applied Sciences*. Vol. 8. No. 11. <https://doi.org/10.3390/app8112121>.

Pötzschke S., Braun M. (2017) Migrant Sampling Using Facebook Advertisements: A Case Study of Polish Migrants in Four European Countries. *Social Science Computer Review*. Vol. 35. No. 5. P. 633—653. <https://doi.org/10.1177/0894439316666262>.

Pumares P., González-Martín B., Montanari A., Staniscia B. (2018) Reciprocal Youth Mobilities between Italy and Spain: A Question of Elective Affinities. *Population, Space and Place*. Vol. 24. No. 1. <https://doi.org/10.1002/psp.2113>.

Rocheva A. L., Varshaver E. A., Ivanova N. S. (2019) Youth with a Migrant Background: Are They Willing to Stay in Russia? *Journal of Siberian Federal University — Humanities and Social Sciences*. Vol. 12. No. 7. P. 1256—1281. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0453>.

Seyfrit C. L., Bjarnason T., Olafsson K. (2010) Migration Intentions of Rural Youth in Iceland: Can a Large-Scale Development Project Stem the Tide of Out-Migration? *Society and Natural Resources*. Vol. 23. No. 12. P. 1201—1215. <https://doi.org/10.1080/08941920903278152>.

Seyfrit C. L., Hamilton L. C. (1992) Who Will Leave? Oil, Migration, and Scottish Island youth. *Society and Natural Resources*. Vol. 5. No. 3. P. 263—276. <https://doi.org/10.1080/08941929209380791>.

Stinner W. G., van Loon M., Byun Y. (1992) Plans to Migrate in and out of Utah. *Sociology and Social Research*. Vol. 76. No. 3. P. 131—137.

Tjaden J., Auer D., Laczko F. (2019) Linking Migration Intentions with Flows: Evidence and Potential Use. *International Migration*. Vol. 57. No. 1. P. 36—57. <https://doi.org/10.1111/imig.12502>.

van Dalen H. P., Henkens K. (2008) Emigration Intentions: Mere Words or True Plans? Explaining International Migration Intentions and Behavior. CentER Discussion Paper No. 2008—60. Tilburg: Tilburg University. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1153985>.

van Dalen H. P., Henkens K. (2013) Explaining Emigration Intentions and Behavior in the Netherlands, 2005—2010. *Population Studies*. Vol. 67. No. 2. P. 225—241. <https://doi.org/10.1080/00324728.2012.725135>.

van Mol C. (2016) Migration Aspirations of European Youth in Times of Crisis. *Journal of Youth Studies*. Vol. 19. No. 10. P. 1303—1320. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1166192>.

Waldorf B. (1995) Determinants of International Return Migration Intentions. *The Professional Geographer*. Vol. 47. No. 2. P. 125—136.

Williams A. M., Baláž V. (2012) Migration, Risk, and Uncertainty: Theoretical Perspectives. *Population, Space and Place*. Vol. 18. No. 2. P. 167—180. <https://doi.org/10.1002/psp.663>.

Yang X. (2000) Determinants of Migration Intentions in Hubei Province, China: Individual versus Family Migration. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 32. No. 5. P. 769—787. <https://doi.org/10.1068/a32114>.

Приложение 1.**Список населенных пунктов, где таргетировались пользователи социальной сети «ВКонтакте»**

1	Архангельск
2	Астрахань
3	Барнаул
4	Белгород
5	Брянск
6	Владивосток
7	Владикавказ
8	Владимир
9	Волгоград
10	Воронеж
11	дп. Черкизово, Пушкинский район, Московская область
12	Екатеринбург
13	Йошкар-Ола
14	Казань
15	Калининград
16	Караचाевск
17	Кемерово
18	Кострома
19	Краснодар
20	Курск
21	Махачкала
22	Москва
23	Нальчик
24	Новокузнецк
25	Новосибирск
26	Новочеркасск
27	Омск
28	Орел
29	Оренбург
30	Пенза
31	поселок Караваево, Костромской район, Костромская область
32	поселок Майский, Белгородский район, Белгородская область
33	поселок Персиановский, Октябрьский район, Ростовская область
34	Пятигорск
35	Ростов-на-Дону
36	Рыбинск
37	Рязань
38	Санкт-Петербург
39	Саратов
40	Смоленск
41	Ставрополь
42	Тверь
43	Тюмень
44	Улан-Удэ
45	Ульяновск
46	Уссурийск
47	Уфа
48	Хабаровск
49	Чебоксары
50	Черкесск

Приложение 2. Описательная статистика по группам

Характеристики	Иностранные студенты	Работающие мигранты	Мигранты второго поколения	Местная молодежь
Средний возраст, лет	22,8	25,3	23,1	22,8
Доля женщин	21%	17%	40%	25%
Доля представителей киргизской этнической категории	18%	48%	42%	N/A
Доля представителей узбекской этнической категории	40%	19%	29%	N/A
Доля представителей таджикской этнической категории	42%	33%	30%	N/A
Доля живущих в мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург)	44%	74%	50%	15%
Доля тех, кто состоит в браке или живет с партнером	13%	32%	30%	27%